

Чжун Мин оделся, и вскоре после этого вернулся Чжун Хань. С его появлением от былой интимной атмосферы на лодке не осталось ни следа, и Чжун Мин в который раз убедился: без постройки дома с отдельной комнатой им не обойтись. Жизнь всем семейством на одной лодке не для них. И если уж не хочется так жить, то и не станут. Всё равно у них есть и умение зарабатывать, и достаточно серебра, даже если не удастся построить дом на суше, найдётся другой способ устроиться.

Когда настало время укладываться спать, циновки были уже расстелены. Чжун Мин, лёжа, стал рассказывать о том, что видел за эти дни в море: бескрайние косяки рыб, медузы, летящие под водой, проплывающие мимо морские черепахи и змеи, разноцветные кораллы, мягкие анемоны, зелёные, с ладонь, абалоны и ярко-красные лобстеры, что прячутся в каменных щелях...

Вскоре рассказ прервался сам собой, Чжун Хань уже спал, безмятежно дыша.

Су И тем временем доводил до конца пару матерчатых туфель. Последним стежком он затянул нить и зубами перехватил хлопковую нитку, чтобы оторвать. Додо, который до того свернувшись клубком дремал у него на коленях, почувяв движение, лениво потянулся, встряхнулся и ушёл прочь.

— Вернулся ты как раз вовремя, — сказал Су И, — только что ботинки дошил, примерь, посмотри, по ноге ли.

Он аккуратно поднял сшитую пару и протянул Чжун Мину. Тот взял, надел, прошёлся по палубе лодки и вернулся обратно:

— В самый раз. Ещё немного разносить и сядут, как влитые.

— Ну вот и хорошо, — кивнул Су И. — Главное, что подошли.

Это были первые ботинки, которые Су И шил для Чжун Мина, и, увидев, что тому они по душе, сам искренне обрадовался.

Палубу на ночь всегда обливали водой, всё было чисто, и подошвы не испачкались. Чуть позже ботинки снова уберут в сундук, а когда похолодает, достанут.

Чжун Мин помогал ему складывать швейную корзинку и вдруг заметил:

— Помню, за пару дней до моего отъезда ты только подошву склеил, а теперь уже готовая пара. Значит, опять по ночам сидел при лампе, свечи тратил, глаза портил...

Су И не мог признаться, что как только оставался без дела, сердце тут же начинало тосковать по Чжун Мину, и чтобы хоть чем-то занять себя, он брался за шитьё, строчка за строчкой,

чтобы унять эту тоску.

— Да все не так страшно, как ты говоришь, — отозвался Су И. — Я ведь давно обувь не шил. Когда делал ту пару для Сяо Цзая, ещё спотыкался и путался. А как закончил, руку набил, так что твои башмаки пошли быстро, сами собой.

Корзинка с нитками была маленькая, плетёная из лозы, с крышкой точно по размеру. Закрыв её, Су И поставил повыше, чтобы Чжун Хань случайно не укололся, а ещё чтобы Додо, этот шаловливый кот, не добрался до неё поиграть.

Справившись с делами, он слегка повертел шеей. От долгой работы с иглой, когда всё время сидишь с опущенной головой, затекает и начинает ныть. Тут на его шею легли большие руки. Откинув пряди волос, Чжун Мин сильно, но заботливо размял затёкшие мышцы. Руки у него были крепкие, сухие и тёплые, и под их нажимом Су И с удовольствием прищурился от облегчения.

Его шея была тонкой и длинной, и когда под кожей разошлось тепло, Чжун Мин не удержался, наклонился и поцеловал её.

Су И вздрогнул от неожиданного прикосновения, но, обернувшись, посмотрел на него вовсе не с упрёком или стыдливой досадой. В этом взгляде было что-то тихое, принимающее, и оттого в груди у Чжун Мина вспыхнуло тёплое чувство. Он повернулся спиной к той стороне, где спал Чжун Хань, обнял супруга и мягко прошептал:

— А ты... скучал по мне в эти дни?

От этого движения Су И оказался прижат к груди Чжун Мина, и сердце, стучавшее прямо у уха, било столь ясно, что он сразу понял - тот, задавая этот вопрос, и сам был далёк от спокойствия.

— Скучал, — тихо прошептал он.

В следующую же секунду его лицо резко, почти грубо было поднято вверх рукой, и губы Чжун Мина накрыли его в настойчивом, властном поцелуе. Су И запрокинул голову, ресницы задрожали, и он невольно открыл рот, принимая эту навязчивую, жадную ласку.

Ночь окутала всё густой теменью. Облака закрыли луну у горизонта, и даже ветер с моря уже не был таким душным, как летом. Дверь в каюту заскрипела от порыва и приоткрылась, впустив в замкнутое пространство глоток прохлады. Начался дождь. Лёгкое, частое постукивание капель всё усиливалось, заполнив собой тишину. Они с веселым звоном барабанили по бамбуковому навесу над лодкой, капли собирались в струи, извивались и стекали вниз, вновь возвращаясь в объятия моря.

Из-за дождя морская гладь стала беспокойной. Ветер поднимал волны, и стоящие в бухте деревянные лодки раскачивались снова и снова. Но для людей, живущих на воде, это было делом привычным, и такая качка, напротив, часто лишь крепче убаюкивала во сне.

Чжун Хань перевернулся, во сне несколько раз дёрнул ногами, и носком задел Додо, свернувшегося калачиком в углу на циновке. Кот открыл глаза, зевнул, уши его вздрогнули, улавливая какие-то звуки, и нервно дёрнулись вперёд-назад. Но он тоже спал в полудрёме. Где-то поблизости доносился мягкий, густой плеск воды. Поначалу он сливался с шумом дождя, и кот, не разобрав, что это было, отложил вспыхнувшее на миг любопытство, сменил позу и снова улёгся.

А за бамбуковой занавесью Су И чувствовал себя непривычно. Раньше, когда они были близки, ему достаточно было просто лежать, Чжун Мин сам брал его за руку и мягко направлял, показывая, что и как делать. С каждым разом Су И начинал понимать больше, иногда даже сам проявлял инициативу, чтобы доставить Чжун Мину удовольствие, и понемногу в этом стал находить свою долю прелести.

Но сейчас было иначе. Уже сама поза заставляла его стесняться открыть глаза, а в темноте, когда не было зрительного отвлечения, ощущения, наоборот, обострялись. Лодка под ним плавно покачивалась на дожде и волнах, и он сам будто растворялся в этом невидимом, зыбком ритме, сдержанно переводя дыхание, словно плывя в иной, неведомой стихии.

Чжун Мин удерживал тонкую талию супруга, вспотевшие виски липли друг к другу, дыхание было горячим, и каждый раз, когда он склонялся для поцелуя, это напоминало вспышку пламени, вспыхивавшего между тел.

Снаружи дождь усиливался, волны становились всё выше.

Ночь предстояла длинная.

.....

Для мужчины, впервые вкусившего плотских радостей, даже если он в сердце понимал, что следует быть сдержанным, на деле это почти всегда выходило не так.

На следующее утро Су И впервые с тех пор как вышел замуж проснулся позже обычного. Одеваясь, он заметил на теле множество пятен, алые следы от пальцев до сих пор не исчезли. Ему стало неловко, он туго завязал шнуровку на верхней одежде, потом достал зеркальце и принялся проверять, не видно ли чего на шее.

Спустя некоторое время в каюту вошёл Чжун Мин, держа в руках чашку с тёплой водой, и по вкусу было понятно, что в неё добавлен мёд. Су И ничего не сказал, молча принял чашу и отпил глоток. Сладкая влага приятно смягчила горло. Он и сам не ожидал, что голос сядет: ведь ночью почти не издавал ни звука, но позже, когда не выдержал и заплакал, надорвал

связки, и теперь голос был осипшим.

Су И отпил ещё немного медовой воды, но не стал допивать до конца - жалко было. Когда он протянул чашу обратно, то тихо спросил:

— Откуда мёд?

Чжун Мин выглядел свежо и бодро, полным сил. Увидев, что тот бережёт каждый глоток, только улыбнулся:

— У нас ещё есть, пей спокойно, не оставляй. Даху как-то пошёл в горы за хворостом и нашёл пчелиное гнездо, оттуда много мёда добыл. Я с утра к ним зашёл, выменял немного на чай. Третий дядя у них любит чай, я ему хороший дал. Он сразу по запаху понял, что чай не простой. Говорит, дикий горный мёд с ним не сравнится. В итоге они мне ещё и сушеный батат с сушёными грибами дали впридачу.

Чжун Мин рассказывал с лёгкой, добродушной улыбкой, а Су И всё ещё был немного не в себе, не до конца пришёл в чувство. Чжун Мин снова протянул ему чашу и велел допить и тот, не сопротивляясь, продолжил пить.

Когда он, наконец, осушил чашку, Чжун Мин терпеливо забрал её, отнёс и поставил на пол в стороне, после чего сказал:

— Сегодня в деревню торговать не пойдём. Я ведь только вернулся, можно и отдохнуть день. Да и жареного соуса у нас всё равно больше нет, вот и займёмся, как раз свежего побольше приготовим.

После того как горло смягчилось медовой водой, Су И пару раз откашлялся, и голос уже не был таким сухим. Мысли его, до этого блуждающие, наконец начали проясняться. Он машинально поправил на себе одежду, затем несильно потер живот.

Сначала прошлой ночью было по-настоящему больно. Он, сжав зубы, спросил у Чжун Мина, правда ли, что теперь он сможет родить ребёнка, и, получив утвердительный ответ, решил, что эта боль - необходимая плата. Потерпеть можно, ведь это ради ребёнка, а значит, это совсем не то же самое, что просто для удовольствия.

Хотя потом стало не больно, и он вдруг понял, как мало, оказывается, знал.

Как бы то ни было, теперь он точно знал: между ним и Чжун Мином произошло то, что может привести к рождению ребёнка. И однажды в будущем внутри него непременно появится крошечная жизнь.

Когда Чжун Мин увидел, как Су И поглаживает живот, решил, что тому, возможно, нехорошо,

и поспешно спросил. Но гер не захотел отвечать, побоялся, что, скажи он это вслух, над ним начнут подшучивать. Чжун Мин не стал настаивать. Впрочем, судя по тому, что происходило прошлой ночью, и по жестам Су И, он и сам примерно догадывался, о чём тот думает.

Раньше он всё откладывал сношение с Су И, боялся, что тело гера слишком хрупкое, и если торопиться, то можно навредить. Ему самому, мужчине, в этом деле нечего бояться, а вот супругу жить с ним всю жизнь, как же можно, чтобы молодой ещё гер уже из-за этого подорвал здоровье? Если надорвался, страдать пришлось бы всё больше и больше.

Теперь же благодаря тому что они каждый день ходили торговать в деревню, стало удобно заглядывать в клинику. Су И дважды пил лекарства, что дал доктор Ли, и потом старый лекарь наконец сказал, что теперь можно больше не пить снадобий, достаточно просто внимательнее следить за питанием.

Только услышав это, Чжун Мин осмелился, под радость от встречи и возвращения, по-настоящему стать с Су И супругами. В эту ночь гер спал особенно крепко, а сам он с рассвета уже проснулся, чувствовал в теле столько сил, что хоть вплавь в море на пару ли, а после на берег и сразу в кулачный бой.

Но рассказывать обо всём этом Су И, конечно, никак нельзя. Скажи он такое вслух, пусть даже гер у него и с самым мягким характером, всё равно в душе подумает: «Вот уж и правда, бесстыдник».

— Я уже завтрак приготовил, — сказал он вслух. — Сварил кашу и яйца, батат ещё на пару поставил. Может, что-то ещё хочешь? Сушёную рыбу будешь? Если хочешь, я сейчас вытащу одну.

У людей воды на завтрак обычно просто рисовая каша да лепёшка из рисовой муки, батат тоже бывает - сытно и привычно. А если ещё и куриное яйцо к этому добавить, так в деревне скажут, что у него жена в послеродовом периоде, и живут они в достатке, не бедствуют.

Услышав, что Чжун Мин всё ещё спрашивает, не хочет ли он чего-то особенного, Су И едва улыбнулся и покачал головой, искренне сказав:

— Я ведь не после родов, зачем мне так хорошо питаться?

Потом огляделся по сторонам и спросил:

— А где Сяо Цзай? Что-то не слышно его с утра.

— Я проснулся рано, он тоже проснулся, — просто ответил Чжун Мин. — Пошёл со мной к третьему дяде, остался там играть с А-Бао и сестричкой Мяо. Третья сноха сказала, позже сама его приведёт, обед тоже у них, велела мне не заботиться.

Об этом сказав, Чжун Мин снова вернулся к прежней теме:

— Но ведь что там, одна каша да одно яйцо, разве это хорошо? Вон в деревне на суше женщины в послеродовой период куриный суп пьют, бульон из голубя, из свиных ножек, едят финики, лонган, свиную печень - всё, чтобы кровь укрепить, силы вернуть. Вот когда ты и впрямь будешь в этом положении, вот тогда и питаться будем как следует.

Чжун Мин тоже протянул руку и провёл ладонью по плоскому животу Су И. Под пальцами ощущалась лишь тонкая прослойка мягкой плоти. Его маленький супруг всё ещё был слишком худым, и, озарённый внезапной мыслью, он с воодушевлением сказал:

— Слушай, ведь всё, что едят в послеродовой период, сплошь полезное. А что, если я теперь буду почаще забивать кур и уток, покупать свиные ножки и рёбра, варить тебе бульоны? Риса у нас в доме хватает, можно хотя бы раз в день есть белую рисовую кашу. Старый лекарь ведь сам говорил - если как следует есть, чуть набрать вес, то и здоровье полностью восстановится. Сяо Цзаю это тоже на пользу, хорошее питание ещё никому не вредило.

Но Су И, услышав всё это, понял, что тот несёт всё больше вздора, и не выдержал. Лёгким движением он отодвинул руку мужа, глаза его улыбались, уголки губ дрогнули:

— Если ты меня откормишь, и живот действительно округлится, вот спросит кто-нибудь: «Ты что, ребёнка от него ждёшь?» А мне что говорить? Что нет, мол, там не ребёнок, а только куры, утки да свиные ножки?

Договорив, он и сам понял, что сказал слишком много, но смех уже невозможно было сдержать. Он опустил голову и тихо рассмеялся. Чжун Мин в ответ тут же повалил его обратно на циновку, прижал к себе, и, недовольный такой насмешкой, без всякой жалости принялся щекотать его обеими руками, совершенно не давая пощады.

— Ах ты, маленький гер, теперь научился смеяться над мужем! — с притворной обидой фыркнул он.

Су И с головы до пят давно уже был изучен Чжун Мином. Не успел тот как следует начать, как у него уже от смеха выступили слёзы. Он не выдержал и стал торопливо просить пощады. Чжун Мин, видя, что уже достаточно, с улыбкой притянул его к себе и усадил к себе на колени. Раньше Су И никогда не смеялся так искренне и свободно. Чжун Мин наклонился, поцеловал его в кончик носа и мягко улыбнулся:

— Всё, не дразню. Ты, наверное, и голоден уже. Пойдём завтракать. А после завтрака дверь закроем и будем деньги пересчитывать.

Тут Су И наконец вспомнил: они вчера так увлеклись процессом «заведения ребёнка», что совсем забыли даже заглянуть в ту самую связку с серебром, что Чжун Мин принёс домой.

В жизни не так уж много дел, что могут доставить радости больше, чем счёт серебра. Улыбка у гера стала особенно тёплой и светлой, и он с готовностью ответил:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/13583/1205037>